

Марина Бобрик

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Синтаксис домики строит не те,
Мир в неуклюжей стоит красоте.
Н. Заболоцкий, "Битва слонов"

1. У Платонова все говорят "одинаково" странно и неправильно. Поэтому ожидание неискушенного читателя, воспитанного на образцовой роли литературы и настроенного на нормированный литературный язык, при чтении "Чевенгура" или "Котлована" систематически взрывается. Нарушение языковой нормы является здесь закономерным следствием отталкивания от литературного языка и языка литературы. "Платоновская речь – это попытка сломать мост между письменной и устной речью; нежелание пользоваться традицией "письменного", "книжного" языка [...]. Его повествование – это ненормативная письменная речь" (Толстая-Сегал 1978 (2), 108). Соглашаясь в целом с этим суждением, хотелось бы уяснить, в чем именно состоит ненормативность языка Платонова.

В платоновском тексте из нормы возможны два выхода: один – в субстандартные сферы языка, так или иначе связанные с языком разговорным, другой – в языковое прошлое. Эти возможности могут накладываться одна на другую, в частности, в тех случаях, когда разговорный язык сохраняет архаичные, отвергнутые или уже пережитые нормой элементы языка. Однако квалификация принадлежности платоновских аномалий разговорному языку и (или) языковой истории служит в этой работе лишь инструментом. Существенно прежде всего то, что обсуждаемые явления – н е н о р м а¹. Настоящие заметки – это наблюдения над основными типами нарушения языковой нормы в платоновском тексте и над теми смысловыми эффектами, которые при таком нарушении возникают.

Речь пойдет о языке повести "Котлован" (1929–1930), избранной нами как один из текстов, где особенности языка Платонова представлены в концентрированном виде. Текст повести приводится по изданию: Платонов 1988; номера страниц указываются перед соответствующей цитатой в скобках.

2. Аномальность пронизывает у Платонова, в сущности, все уровни языка. Репшающая роль отводится, однако, синтаксису. Именно нарушения сочетаемости и правил построения фразы вызывает реакцию на других уровнях языка, деформируя семантику отдельных слов и форм, усложняя смысл высказывания в целом.² Комментирование основных механизмов "неправильного" языка Платонова, некоторые из которых в рамках иных подходов уже обсуждались (Толстая-Сегал 1978 (1), Seifrid 1987, Seifrid 1988), хотелось бы поэтому начать с синтаксиса, а затем перейти к лексическим и морфологическим явлениям. Неизбежная линейность изложения мешает вполне адекватно интерпретировать объемно концентрическое устройство текста: с уровня синтаксиса читатель спускается по спирали вглубь, к семантическим компонентам отдельных слов.

2.1. Анаколуф.

Пожалуй, основной у Платонова тип нарушения нормы в синтаксисе — это анаколуф (или контаминация), когда синтаксически происходит соединение частей различных конструкций, семантически же имеет место взаимоналожение этих конструкций.

(86) *Вощев забрел в // пустырь* и обнаружил теплую яму для ночлега; снизившись в эту земную впадину, он положил под голову мешок, куда собирал для памяти и отмщения всякую безвестность, опечалился и с тем уснул. Но какой-то человек *вошел // на пустырь* с косой в руках и начал сечь травяные рощи, росшие здесь испокон века.

Данный фрагмент строится на противопоставлении. Оно выражается союзом *но*, помечающим границу между противопоставленными друг другу предложениями и соотнесенными друг с другом сочетаниями *забрел в пустырь* и *вошел на пустырь*. Остановимся на этих сочетаниях.

С точки зрения нормы оба они неправильны. Однако механизм синтаксических нарушений в одном и другом случае действует по-разному.

В сочетании *забрел в // пустырь* нарушена сочетаемость формы В.п. *пустырь*: вместо нормативного предлога *на* здесь использован предлог *в*. Обрыв конструкции проходит таким образом перед словом *пустырь*. Нарушение нормы ставит это словосочетание в ассоциативный ряд модели *в + В.п. с пространственным значением*. Таким образом, сочетание *в пустырь* строится по аналогии с сочетаниями типа *в поле, в сад, в лес, в дубри* и т.п. Нарушение синтаксической сочетаемости, то есть несоответствие между моделью и ее лексическим наполнением, приводит к

семантическому сдвигу. Возникшая синтаксическая ассоциация вызывает у читателя представление о пустыре как о пространстве, похожем на поле, сад, лес, дебри. Продвигаясь дальше по тексту, он находит опору для такого представления, так как оказывается, что пустырь, куда забрел герой Платонова, являл собою "травяные рощи". Чтобы обсуждаемая конструкция стала правильной, достаточно мысленно водворить в нее слова, соответствующие реальности – заменить *пустырь* на *травяные рощи*. Получим * *забрел в травяные рощи*.

Во втором предложении, где речь идет о косаре, неправильна конструкция *вошел // на пустырь*, что связано с нарушением управления глагола *вошел*: вместо предлога *в* с В.п. использован предлог *на*. Ассоциативный ряд, который строится от правильной части (*на пустырь*), включает в себя сочетания типа *прийти на пустырь*, (*на*)*ступить на пустырь* и т.п. Очевидно, что конструкция станет правильной только после замены глагола *вошел* на один из глаголов этого ассоциативного ряда. Причем правильное с точки зрения языковой нормы высказывание адекватно отражало бы в этом случае действительность, ибо глаголы *прийти*, (*на*)*ступить* вполне адекватны действиям косаря. Напротив, замена слова *пустырь* на сочетание *травяные рощи*, которая, как мы видели, гармонизировала конструкцию в первом случае, здесь оказывается совершенно невозможной, вызывая полный распад синтаксических связей: ср. * *забрел в травяные рощи* и * *вошел на травяные рощи*. Итак, пустырь на самом деле не пустырь, а травяные рощи; косарь на самом деле не вошел, а наступил, напал с косою на травяные рощи. Нарушения синтаксиса отражает таким образом несоответствие слов элементам мира, а неправильность языка – неправильность жизни.

Поняв устройство соотнесенных друг с другом сочетаний *забрел в пустырь* и *вошел на пустырь*, можно увидеть, как в разбираемом фрагменте через синтаксис противопоставлены друг другу два типа отношения человека к природе и миру. Вощев воспринимает мир как объемное пространство, в которое человек входит и находит в нем свое место – "земную впадину". Косарь, напротив, мыслит себя вне природы и видит в ней голую плоскость – объект и поле для своей деятельности.

Иногда возникающая в результате анаколуфа аномальная конструкция сопровождается фонетическим эффектом, усиливающим смысловой заряд текста.

(99) Козлов сел в обнаженный грунт и *дотронулся руками // к костяному своему лицу*.

Происходит взаимоналожение конструкций:

* *дотронуться до лица*

* *притронуться (прикоснуться, поднести руки и т.п.) к лицу.*

Спотыкающаяся фонетика на стыке двух *к* (*к костяному*) усиливает ощущение окостенелой твердости.³

В ряде случаев анаколуфические структуры призваны имитировать причудливые построения в речи героев, возникающие как результат усвоения ими осколков газетно-лозунговой речевой культуры, ее штампов:

(140) Активист дал знать Чиклину и Воцеву, что директивой товарища Пашкина *они должны приурочить все свои скрытые силы на угождение колхозному разворачиванию.*

(100) Но Козлов [...] хотел идти к Прушевскому сказать, что землю больше не роют и надо *предпринимать существенную дисциплину. Собираясь совершить такую организованную пользу, Козлов заранее радовался и выздоровливал.*

(111) Наши рабочие *еще не подтянулись до всего понятия, и вам будет некрасиво нести должность.*

Драматичность разлада между официальными документами и реальностью также может быть выражена средствами синтаксиса:

(130) Мы же, согласно пленума, обязаны *их ликвидировать не меньше как класс, чтобы весь пролетариат и батрачье сословие // осиротели // от врагов!*

2.2. Заполнение потенциальных валентностей слова / формы.

При наложении друг на друга различных конструкций зачастую наблюдается максимальная реализация потенциальных валентностей слова, делающая эффект "остранения" предельно интенсивным.

(122) Только живота ее нету, *мне спать не на чем // головой.*

Здесь контаминация двух конструкций:

* *мне спать не на чем*

* *мне не на что лечь головой*

Не случайно, что это говорит ребенок. Детская речь для Платонова – одна из идеальных возможностей увидеть мир заново, заново назвать все

предметы и действия. В таком восприятии нет ничего само собой разумеющегося. Поэтому необходимым оказывается уточнение *головой*, хотя фраза была бы и без того понятна.

Ср. еще один контекст из Настиной речи:

(119) Только я одна буду жить и *помнить тебя // в своей голове*.

В результате взаимоналожения конструкций * *помнить кого-л.* и * *держат в голове что-л.* происходит сдвиг в значении глагола *помнить* – память мыслится конкретно локализованной в голове.

"Остранению" подвергаются у Платонова прежде всего облик человека, его строение и его действия. Слой самоочевидности снимается с самых простых вещей, все называется и толкуется заново:

(80) Тело Вощева побледнело от усталости, он почувствовал холод на веках и *закрыл ими теплые глаза*.

(141) Он шел на ночлег рядом с Чиклиным и беспокоился, что тот сейчас ляжет и заснет, а он будет один *смотреть глазами* во мрак над колхозом. Ср. также из речи Насти:

(123) – А когда мою маму Юлией звали, когда она еще *глазами смотрела и дышала все время*, то женилась на Мартыныче.

Читатель воспринимает, в частности, этот контекст на фоне нормальных сочетаний * *смотреть широко открытыми глазами* и * *тяжело дышать все время* и т.п. Эффект "остранения" достигается благодаря значимому нулю на месте отсутствующего определения к словам *глазами* и *дышать*. Можно видеть здесь также реализацию потенциальных валентностей слова, если как на нормативные соответствия опираться на глаголы без распространителей (* *когда она еще смотрела и дышала*).

(102) И ему стало легко и неслышно внутри, точно он жил не предсмертную, равнодушную жизнь, а ту самую, про которую ему *шептала некогда мать своимн устами*.

(109) Она ему шла навстречу и, *приподнявшись на скрытых под платьем ногах*, охватила его за плечи.

(114) Его тело *отощало внутри одежды*.

За этими и подобными контекстами стоит человек, увиденный наивными глазами, Адам, существо, орудующее частями своего как бы отделенного от души / духа тела, как инструментами, как частями механизма (ср. Seifrid, 371 и след.) Таков человек, например, на эскизах костюмов Л. Поповой или у Малевича конца 20-х—начала 30-х гг.

2.3. Эллипсис: незаполнение обязательных валентностей слова/формы.

Противоположное только что рассмотренному явлению эллиптирование обязательного распространителя ярче всего можно, кажется, наблюдать в сочетаниях с местоимением *свой*.

(170) Настя встала в // *свой* // *рост*.

Сочетание в *свой рост* воспринимается на фоне нормативных сочетаний *во весь рост* ("выпрямившись") и *во весь свой большой (огромный, гигантский и т.п.) рост*, которые накладываются друг на друга. Незаполненными остаются при этом валентность слова *весь*, обязательная для обоих выражений, и валентность качественного прилагательного со значением "большой", обязательная для второго сочетания. Незаполненные позиции являются значимыми нулями, так как есть контексты (нормативные), в которых эти позиции заполняются. В аномальном сочетании в *свой рост* смыслы нереализованных лексических наполнителей конструкции принимает на себя слово *свой*: помимо присущей ему грамматической семантики возвратно-притяжательного местоимения это слово несет в себе лексические значения "собственный", "свойственный", "настолько большой, насколько Настя выросла". Благодаря этому семантическому сдвигу все сочетание в целом становится одним из смысловых центров своего контекста – разговора между героями повести о жизни и смерти, где к Насте обращены слова Вощева: "Не расти, девочка, затоскуешь" (Платонов 1988, 171).

(104) Урод хотел произнести // *свое* // *слово* // в окно.

Приведенное предложение возникло в результате контаминации нескольких конструкций, а именно:

- * произнести речь
- * сказать свое слово в чем-л.
- * сказать свое веское слово
- * сказать, крикнуть что-л. в окно

Обстоятельственный распространитель в форме В.п. с предлогом (куда? в окне) нарушает сочетаемость глагола *произнести*, требующего при себе П.п. с предлогом (*произнести речь где? в зале*). Нарушение нормативной конструкции актуализирует первоначальное значение этого глагола – "вынести, держа перед собой"; глагол речи вновь преобразуется в глагол движения.

Значения слов *свое* и *слово* под воздействием конструкции также деформируются. Значимое отсутствие определения между этими словами обуславливает увеличение семантической нагрузки местоимения *свое*. Оно несет в себе не только грамматическое значение возвратности и притяжательности, но и лексические значения "собственное", "веское", "новое" и т.д. по ассоциации с идиомами *сказать свое веское слово*, *сказать свое слово в чем-л.*, *сказать новое слово в чем-л.*

Слово *слово* выступает в этом контексте в своем старом значении "речь" (*произнести речь*).

Ср. (85) Я испугался, что ты на ту девочку // *свое слово скажешь* или подействуешь как-нибудь.

Управление глагола *подействуешь* (*на кого-л.*) переносится и на синтаксически связанный с ним глагол *скажешь* – явление нередкое в разговорной речи. Однако в отличие от обиходного языка в художественном тексте возникающий при этом смысловой сдвиг безусловно значим. Глагол *сказать* принимает на себя не только значение "подействуешь", лексически выраженное в данном контексте, но и семантику ассоциативно связанных с этим контекстом выражений (*напустить порчу на кого-л.*, *накричать на кого-л.*, *напуститься на кого-л.* и т.п.). На фоне этих ассоциаций ощутимым становится значимый нуль в сочетании *свое слово*, так как ясно, что подразумевается негативный определитель (* *свое дурное слово*). В отсутствие такового его семантику впитывает в себя местоимение *свой*.

Примеры с местоимением *свой* достаточно ярко иллюстрируют действие в тексте Платонова "закона сохранения смысла", который заключается в том, что семантику нереализованных компонентов конструкции принимают на себя наличные компоненты ее. Значимое отсутствие качественных определителей при *свой* делает эффект "остранения" особенно ощутимым в силу того, что в этом местоимении преобладает собственно грамматическая семантика (притяжательность, возвратность), в то время как лексическая семантика гораздо менее выразительна. Именно поэтому с точки зрения носителя русского языка *свой* не является опре-

делением к слову. Сходное явление имеет место, например, в следующем случае:

(162) Медведь поднялся с посуды, обнял поудобней тело мужика и, сжав его с силой, что из человека вышло нажитое сало и пот, закричал ему в голову на разные голоса.

Слово *силой* усиливается здесь семантикой эллиптированного, но pregnantly присутствующего во фразе местоимения *такой*.

Незаполненными склонен Платонов оставлять также валентности, имеющие чисто грамматическое значение:

(104) Здесь инвалид вырвал из земли ряд роз, бывших под рукой, и, не пользуясь //, бросил их прочь.

Значимый нуль возникает на месте Т.п. *ими* (* не пользуясь ими), ибо лексически это местоимение опустошено, а его грамматическая семантика имплицитно присутствует в глаголе, подразумевающем именно конструкцию с Т.п.⁴

2.4. Эллипсис: упрощение конструкций с союзными средствами.

Употребления придаточных предложений или оборотов с союзными средствами Платонов избегает и старается использовать бессоюзные конструкции, что сближает его язык с разговорным. "Снятие" нормы в этой области синтаксиса может сопровождаться выходом в языковую историю, как, например, в случае синонимии различных средств выражения цели – существительного, инфинитива, придаточного предложения, инфинитивного оборота.

(85) Воцев продолжал томиться и пошел в этот город // жить.

Инфинитив употреблен здесь вместо нормативного целевого оборота * *чтобы (в нем) жить*. Неожиданна, однако, не столько эта замена, сколько нарушение запрета на лексическую сочетаемость глаголов *пошел* и *жить* в рамках целевой конструкции. В литературном языке русского средневековья – русском церковнославянском – инфинитив и придаточное с *чтобы* также были синонимичны, но распределение их было обусловлено степенью книжности каждого из них и к лексическому значению отношения, видимо, не имело. Поэтому сочетание *пошёл жить* для церковнославянского языка вполне нормально. Это, по всей вероятно-

сти, неосознанное попадание в старую конструкцию позволяет раскрыть экзистенциальную важность поступка платоновского героя.

(145) Лошади вошли в воду и постояли в ней некоторое время *для своей чистоты*.

Вместо придаточного цели (* (для того,) чтобы стать чистыми) здесь используется сочетание существительного с предлогом – конструкция опять-таки вполне нормальная в рамках древнерусского и церковнославянского, но явно отклоняющаяся от нормы современного русского языка. То, что лошади вошли в воду, чтобы выйти из нее чистыми, – очевидность обыденной жизни, где ей соответствует обыденно правильная языковая форма (придаточное с *чтобы*); в художественном мире Платонова очевидностей нет, все как бы заново, а потому и называется заново и независимо от нормы. Именно это создает интенсивный эффект "остранения", фиксируя внимание читателя на таких мнимых очевидностях.

Платонов избегает полипредикативных конструкций и других типов. В ряде случаев при этом используется простой, но по сочетаемости неверный инфинитивный оборот:

(114) Сафронов *управился // принести Жачева*.

Эллиптируется в данном случае * *управился с тем, чтобы принести*. Можно видеть здесь также контаминацию двух конструкций:

* *управился с чем-л.*

* *сумел, ухитрился что-л. сделать*.

Эллипсис полипредикативной конструкции с сочинительной связью также может разрешаться в инфинитивный оборот:

(134) Пашкин же, пока шел по вестибюлю, *обдумал // увеличить котлован не вчетверо, а в шесть раз*.

Свертыванию здесь, очевидно, подвергается конструкция * *все обдумал, и надумал увеличить котлован*. Семантический вес глагола *обдумал* при этом увеличивается, так как имплицитно он называет два действия: "обдумать" и "надумать" (= "решить").

(115) Ему никто *не возражал // здесь находиться*.

Если видеть здесь эллипсис, то свертыванию подвергается высказывание * *Ему никто не возражал и не мешал здесь находиться*. Пропуск

выражения *не мешал* (или *не запрещал*), оставившего по себе в тексте присущую ему инфинитивную конструкцию, может объясняться частичной синонимией *возражать* и *мешать* (*запрещать*).

В речи героев свертывание сложных синтаксических структур, очевидно, имитирует разговорный язык:

(174) *"Эту кузню надо запомнить побелить"*, – спокойно думал Блисей за трудом.

Эллипсису подвергается сложноподчиненное предложение * *надо запомнить, что эту кузню надо побелить*.

(170) *Если она умерла, то он решил уехать* стряпать пищу на ее детей.

В несобственно-прямой речи героя свертыванию подвергается сложноподчиненная конструкция * *он решил, что если она умерла, он должен уехать*.

2.5. Инверсия.

Инверсивный порядок слов встречается в платоновском тексте нередко. В большинстве таких случаев читатель имеет дело с архаизированным, ассоциирующимся с "высоким стилем", славянизированным порядком слов (в частности, с постпозицией определения по отношению к определяемому слову). Употребления эти остаются, однако, в рамках стилистических возможностей стандартного русского языка и потому в поле нашего внимания не попадают. Указать хотелось бы только на случаи нарушения нормы порядка слов. Любопытен, в частности, следующий контекст:

(96) *Воцев не услышал себе слово в ответ*.

Такой порядок слов (вместо * *не услышал слова себе в ответ* или * *не услышал себе в ответ слова*) существенно меняет их группировку. В нормативном варианте она такова: *не услышал – слова – себе в ответ*. Группа *себе в ответ* составляет определение к слову *слова* и может стоять как в препозиции, так и в постпозиции к нему. У Платонова слова группируются иначе: *не услышал себе – слово – в ответ*. Решающую роль в этой перегруппировке имеет позиция местоимения *себе*: из группы определения к слову *слова* оно переходит в группу глагола-предиката. Семантический сдвиг затрагивает при этом все элементы высказывания. При

глаголе себе становится энклитикой, актуализируя старое значение "действия или качества какого-либо лица в особенности, действия лица самого по себе и самого для себя" (Буслаев 1959, 394), сохранившееся в современном языке в сочетаниях типа *пусть живет себе, а ты сиди себе и помалкивай* и т.п. Зримая, предметная отдельность и отделенность чело- века от слова подчеркивается номинативной формой *слово* вместо нормального Р.п. *слова* (ср. далее раздел об отрицательных конструкциях). Наконец, остаток разрушенной идиомы *себе в ответ* – сочетание *в ответ* воспринимается как "остраненный" эквивалент прилагательного *ответ- ный* (* *ответного слова / ответное слово*). Так перемещение одного слова вызывает цепную семантическую реакцию, и возникает текст, адекват- ный ситуации безответности.

3. Внутри и на фоне описанных синтаксических явлений происходят деформации грамматических форм и их значений.

3.1. Возрождение первичной грамматической функции.

На уровне грамматики отказ от нормы выражается прежде всего в "отмене" вторичной (исторически более поздней) грамматической функ- ции и возрождение тем самым функции первичной.

3.1.1. Так, например, в прилагательном может актуализироваться гла- гольно-причастная семантика:

(181) *Настя протянула свою тонкую, как овечья ножка, занемогшую ру- ку к лежащему // на дворе колхозу.*

Обстоятельственный распространитель *на дворе* нарушает сочетаемость прилагательного *лежащий*, так что в нем оживает глагольная семантика и оно воспринимается как причастие (вместо * *к лежащему на дворе кол- хозу*, так как колхозники действительно лежали на дворе). Использо- вание *лежащий* вместо *лежащий* привносит в текст смыслы, ассоциирую- щиеся у читателя со словом *лежащий*, которое в современном русском языке встречается лишь в некоторых устойчивых выражениях (*под лежа- чий камень вода не течет, лежачего не бьют*). При этом идиоматически связанное значение этого слова становится как бы вновь свободным, и возрождается старая разговорная форма причастия на -яч.

(144) [...] *сказал один подкулачник, уединенный // от населения на Орг- дворе за свой вред.*

Распространители с предлогами *от* и *на* актуализируют в прилагательном *уединенный* его первоначальное значение причастной формы.

Характерный для глаголов распространитель – наречие – может актуализировать глагольную семантику субстантивированного прилагательного; субстантивация при этом "снимается":

(103) Он любил тогда следить за *прохожими мимо*.

Здесь можно видеть контаминацию двух сочетаний:

* за *прохожими*

* за *проходящими мимо*

Спровоцированная наречием *мимо* ассоциация с причастием актуализирует внутреннюю форму слова *прохожий* – это "тот, кто проходит (мимо)".

3.1.2. Глагольность может актуализироваться и в отглагольном существительном:

(93) Ночной *косарь // травы* выпался.

Отглагольное существительное *косарь* употреблено с распространителем объектного значения *травы* (ср. *косить траву*). С одной стороны, здесь можно видеть частое у Платонова по возможности подробное написание и пояснение предметов мира как бы из наивной перспективы (*косарь* – это тот, кто косит траву, отсюда *косарь травы*); с другой стороны, это указание на существо действий *косаря*, ибо он, с точки зрения автора – * *убийца травы* (см. пример в начале статьи).

(97) Инженер Прушевский уже с двадцати пяти лет почувствовал стеснение своего сознания и конец *дальнейшему // понятию // жизни*.

В этом контексте, где *понимание жизни* есть способность вместить ее в сознание, слово *понятие* предстает в своем этимологическом значении названия действия "взять, принять (в себя)".

3.1.3. Слова, относящиеся к так называемой категории состояния, могут использоваться в первоначальной функции наречия:

(102) И ему стало *легко и // неслышно // внутри*.

Новая (исторически старая) функция подчеркивается и подсказывается здесь однородной связью с наречием *легко*.

(150) Он безмолвно любил бедноту, которая [...] *желательно рвалась* вперед в неведомое будущее.

3.1.4. Наречие, являющееся по происхождению сочетанием существительного с предлогом, может этимологизироваться:

(117) – А для чего, товарищ Сафронов? – прислушался Воцев *издали // сарая*.

Наречие *издали*, использованное в сочетании с Р.п. *сарая*, распадается на свои этимологические составляющие *из + дали* (причем ударение при чтении сохраняется на предлоге *из*, что отвечает нормам субстандартного, диалектного языка). Можно видеть здесь также взаимоналожение двух высказываний:

* *прислушался издали*

* *прислушался из глубины сарая*

Необычное употребление усиливает здесь почти до гротеска представление о необычайно длинном сарае, в глубине которого находится Воцев.

(100) Письмо сестре он отправил и хотел теперь упорно действовать [...] и строить любое здание в // *чужой // прок*.

В наречие *впрок* "врезан" распространитель *чужой*, так что это сочетание служит, по сути, эллиптированным, свернутым эквивалентом высказывания * *строить впрок для кого-то чужого*.

3.1.5. Непривычная, неправильная сочетаемость возвратных глаголов может обнажать происхождение их из сочетания глагола с возвратным местоимением в В.п. *ся*.

(80) Воцев спустился по крошкам земли в овраг и лег там животом вниз, чтобы уснуть и *расстаться с // собою*.

Надлом в конструкции проходит между предлогом *с* и возвратным местоимением *собою*, так как нарушается запрет на сочетаемость глагола *расстаться* (*с кем-л., с чем-л.*) с обозначением субъекта действия. Значения обоих компонентов конструкции деформируются, что средствами нормативного языка можно было бы передать следующим образом:

* *расстать себя с собою*. Так сон предстает как расставание двух сущностей, составляющих человека, а при дальнейшем движении вглубь внутренней формы слова *рас-стать-ся* – как "пере-стать быть", как временная смерть.

В возвратном глаголе, поставленном в непривычные синтаксические условия, может нейтрализоваться разница медиального и пассивного значений; оба они прегнантно присутствуют в глагольной форме, что служит многозначности текста:

(183) Чиклин все время держал Настю при себе, собираясь уйти с ней на котлован, но *задерживался* происходящими условиями.

Если бы точка стояла после *задерживался*, эта форма возвратного глагола имела бы однозначно медиальное значение (= "он оставался"). Но распространитель в Т.п. смещает семантику глагола, актуализируя пассивное значение (= "его задержали"). Ср. также:

(158) *По колхозной улице* также находились нездешние люди.

Здесь можно видеть контаминацию двух конструкций:

* *по улице шли нездешние люди*

* *на улице находились нездешние люди*

Одновременное восприятие этих конструкций читательским сознанием деформирует медиальное значение возвратной формы: в ней актуализируется и пассивное значение: * *идя по улице, можно было найти, увидеть нездешних людей*. Благодаря этому эффекту происходящее можно увидеть как с точки зрения самих идущих по улице людей, так и внешнего по отношению к ним наблюдателя.

3.1.6. Нарушение синтаксических связей, взаимодействие по ассоциации различных конструкций может выявлять первоначальную семантику грамматической, в частности глагольной, формы:

(168) Жачев сполз с крыльца, *внедрился* // *среди суetyащихся ног* и начал спроста брать людей за нижние концы и опрокидывать для отдыха на землю.

Ассоциативно связанными оказываются здесь две конструкции:

* *внедриться (куда?) в*

* *оказаться (где?) среди*

Взаимодействие их семантики приводит к тому, что глагол *внедрился* принимает в себя значение *оказался*, и, таким образом, более выпуклой становится этимологическая перфектная семантика современной русской формы прошедшего времени – семантика действия в прошлом, результат которого наблюдается в настоящем.

Оживление этого значения, только иным способом, происходит и в следующем тексте:

(128) Громадный [...] голый человек сказал не сразу свое слово, он сначала опустил голову и напряженно // сообразил.

Синтаксис здесь сломан наречием *напряженно*, которое нарушает конструкцию последовательных действий (* он опустил голову и сообразил). Грамматически разлад состоит в несоблюдении запрета на сочетаемость этого наречия с глаголами совершенного вида. При таком употреблении *напряженно* вовлекает в текст семантику несовершенного вида, с формами которого это наречие обычно используется. Воссоздается, таким образом, заново нерасчлененная в видовом отношении глагольная форма с ярким перфектным значением (* он напряженно соображал и сообразил).

3.2. Р.п. и прилагательное.

В пограничной между грамматикой и лексикой области лежит целый ряд характерных для Платонова употреблений, связанных с ненормативным использованием синонимичных форм. Речь идет о конструкциях, распределение между которыми менялось на протяжении истории русского литературного языка. Поэтому выбор неактуального для современной нормы синонима сопровождается выходом в языковую историю и возрождением старых значений.

Конструкция с приименным Р.п. – одна из наиболее частотных у Платонова. По происхождению это книжная форма, унаследованная русским литературным языком из церковнославянского, где она в свою очередь обосновалась в значительной степени под влиянием греческого языка, и укрепившаяся под воздействием французского синтаксиса. Экспансия Р.п. приименного в современном языке идет в основном через книжную, деловую, газетную сферы языка. Для дальнейшего комментария к примерам необходимо отметить, что грамматически синонимичные формы Р.п. и прилагательного семантически зачастую асимметричны. Это означает, что замена одной формы на другую влечет за собой изменение смысла. При неконвенциональном отношении к слову

(в художественно-поэтическом сознании, в традиционном религиозном и традиционном фольклорно-мифологическом, в детском сознании) всякая замена одной формы на другую создает сдвиг в значении. Достаточно вспомнить в этой связи, что началом раскола в русской церкви в 17 в. послужил конфликт никониан и старообрядцев вокруг замены в Символе Веры сочетания *Душе истинный* на *Душе истины*: носители традиционного языкового сознания, старообрядцы, отказывались принять замену прилагательного на Р.п., так как, по их мнению, при этом изменялся смысл текста. У Платонова нарушения нормы употребления этих форм подчинены поискам новых или первоначальных смыслов, стремлению к умножению смыслов.

(121) У кого в штанах лежит *билет партии*, тому надо непрерывно заботиться, чтоб в теле был *энтузиазм труда*.

Употребление Р.п. вместо прилагательного в сочетании *билет партии* (вместо *партийный билет*) имеет прежде всего функцию "остранения". Разрушение привычного сочетания, в котором значения компонентов, особенно слова *билет*, в известной мере стерлись, восстанавливает первоначальную свежесть этих значений. *Билет* вновь попадает в свойственный ему круг лексических ассоциаций (*билет в театр, в цирк, на стадион* и т.п.), а Р.п. *партии* актуализирует значение принадлежности (*билет партии = билет, выданный партией и ей принадлежащий*).

В сочетании *энтузиазм труда* (вместо * *трудовой энтузиазм*) на первый план выдвигается функция умножения смыслов. Смысловое ударение перемещается со слова *энтузиазм* на слово *труда*. Кроме того, качественные отношения в данном сочетании преобразуются в субъектно-объектные, что для Платонова в теме труда содержательно важно. При этом Р.п. субъекта (* *энтузиазм, сообщаемый трудом*) и Р.п. объекта (* *энтузиазм к труду, в труде*) сливаются в одном слове, что и позволяет внести в контекст дополнительные смыслы при экономии речевых средств.

(186) Вощев поднял Настю на руки [...] и с *жадностью // счастья* прижал ее к себе, найдя больше того, чем искал.

Выбор неоднозначной формы Р.п. обусловлен, очевидно, стремлением передать сложность человеческой эмоции. Эта форма может быть в равной мере понята и как Р.п. объекта (* *жадность счастья = жажда счастья*) и как определительный Р.п. (* *с жадностью счастливого человека*).

Ср. также предельное расширение значения определения при выборе формы Р.п.:

(90–91) На выкошенном пустыре пахло умершей травой и сыростью обнаженных мест, отчего яснее чувствовалась *общая грусть жизни и тоска тщетности*.

(148) Близ церкви росла старая *забвенная* // *трава* и не было тропинок или прочих человеческих проходных следов.

Употребление прилагательного усложняет семантику всего сочетания, сообщая слову *трава* нерасчлененное субъектно-объектное значение:

* *трава забвения* (= *трава, отбивающая память*)

* *трава, о которой позабыли*.

Объектное значение "позабытый", существовавшее ранее в языке (Даль, I, 551), из-за неправильной сочетаемости вновь актуализируется.

Достаточно часто форма Р.п. – как правило, это цепочки Р.п. – появляется в тексте как имитация языка газет и лозунгов:

(134) Тогда Пашкин положил бутерброд обратно в корзину для бумаг, боясь, что его сочтут за человека, живущего *темпами эпохи режима экономии*.

Иной контекст для цепочек Р.п. – это внутренняя речь героя, в которой слово – черновик мысли и фраза может линейно наращиваться до бесконечности:

(175) Прушевскому казалось, что все чувства его, все влечения и давняя тоска встретились в рассудке и сознали самих себя до самого источника происхождения, до *смертельного уничтожения наивности всякой надежды*.

3.3. Мена личной и безличной конструкций.

Привнесение в текст новых смыслов может осуществляться также путем замены ожидаемой личной конструкции на безличную, как это происходит, например, в следующем контексте:

(108) *Перестань брать слово, когда мне спится, а то на тебя заявление подам!*

Безличная конструкция с Д.п. субъекта (*мне спится*) употребляется в придаточной части вместо личной конструкции * *я сплю*. Сдвиг в значении предложения формирует представление о сне как о не зависящем от субъекта процессе. Так грамматическая семантика воспринимается на уровне образно-символических смыслов. С другой стороны, дистрибуируется антонимическая пара *мне не спится – мне спится* (= *я хорошо сплю*).

3.4. Грамматика отрицания.

В области отрицания значимые отклонения от нормы также могут совпадать с предшествующими состояниями языка:

(152) *Солнце // не было* в природе ни вчера, ни нынче.

Экзистенциальный смысл глагола *быть* подчеркивается употреблением Им.п. вместо нормативного Р.п. отрицания (ср. * *солнца не было*). *Быть* выступает в этом контексте в прегнантном значении "существовать", так что можно видеть здесь взаимоналожение двух конструкций:

* *солнце не существовало*

* *солнца не было*.

Избираемая Платоновым конструкция выглядит не только аномальной, но и архаичной, так как конкурировавшая в истории русского языка с Р.п. отрицания форма И.п. в определенных условиях и в определенный период признавалась нормативной. В то же время аномальная платоновская конструкция ассоциируется с предложениями типа *Он не был дома*, что заставляет воспринимать солнце как живое существо.

(140) У нас стихии сейчас нет ни капли, *деться // никому // некуда!*

Усиление ощущения безысходности, заложенного в этой фразе, достигается двойным отрицанием – и в местоимении субъекта, и в обстоятельном наречии (вместо * *деться всем некуда*). Эта нарушенная отрицательная конструкция характерна также для разговорного языка.

4.1. Разрушение идиомы.

На уровне лексики нарушение нормативных синтаксических связей наиболее ярко проявляется в сочетаниях идиоматического характера. При этом эффект "остранения" тем резче, чем больше степень семантической нерасчлененности компонентов идиомы. Разрушению могут подвергаться фразеологические сочетания различных стилистических сфер –

нейтральной, общелитературной, газетно-публицистической, канцелярско-деловой. Механизмы нарушений могут быть при этом весьма разнообразны. Рассмотрим ряд примеров из текста повести "Котлован".

(144) *директива не спустилась на колхоз*

Исходным для этого сочетания является газетный штамп *спустить директиву (кому-л. откуда-л.)*. Грамматическая трансформация состоит здесь в замене пассивной конструкции (типа * *директива была спущена*) на медиальную (*директива не спустилась*). Сдвиг в значении глагола, обусловленный этой трансформацией, направлен в сторону значения конкретного физического действия. Иными словами, актуализируется прямое значение *спуститься* как глагола движения. Соответственно изменяется и управление глагола: вместо Д.п. ожидаемой пассивной конструкции – форма В.п. с предлогом *на* медиального оборота. Так возникает образ директивы как парашюта или дирижабля, который спускается на колхоз откуда-то сверху.

(137) *Козлов продолжал лежать умолкшим образом, будучи убитым.*

Разрушение идиомы *таким образом* происходит путем замены местоимения *таким* на конкретный определитель – причастие *умолкшим*. Сочетание в целом утрачивает идиоматичность и преобразуется в свободное. При этом актуализируется первичное лексическое значение слова *образ*, стертое в идиоме *таким образом* и преобразованное в переносное значение "способ, средство", а именно "вид, внешность, фигура, очертание" (Даль, II, 614). Взаимоналожение двух этих значений усложняет семантику слова *образ* и позволяет из перспективы наивного наблюдателя описать мертвого – это человек, у которого лицо и весь облик умолкли. И здесь в поисках начальных смыслов Платонов как бы раскручивает назад историю слова до той точки, где слова образуют живые и гибкие сочетания, еще не отвердев в словесный блок. Ср. в этой связи генезис латинских сочетаний прилагательного с аблативом *mente* с дальнейшим их преобразованием в наречия романских языков типа фр. *lentement* < *lente mente* и т.п.

(128) *То ли он утомился или же умирал по мелким частям на ходу // жизни.*

Распространитель в форме Р.п. *жизни* разрушает идиому *на ходу*. При этом исходная ее семантика (значение "похода", "не придавая чему-л.

значения", "не уделяя чему-л. внимания") существенно расширяется. Новые значения актуализируются при ассоциативном соотношении сочетания *на ходу жизни* с конструкциями типа *на ходу поезда*, *на холостом ходу*, *механизм на ходу*, *машина на ходу* и т.п. В слове *ход* оживает прямое значение физического движения и терминологическое значение движения механизма. Таким образом, в сочетании *на ходу жизни* реализуется существенное для умонастроения Платонова представление о жизни не только как о пути, но и как о движущемся механизме.

(94) Во всей России теперь моют полы *под праздник* // *социализма*.

Сочетание *под праздник* употребляется в русском языке как самостоятельно, так и с распространителем, который может быть выражен прилагательным (*под светлый праздник*, *под большой праздник*) или формой Р.п. существительного, называющего определенный праздник (*под праздник Пасхи*). Нарушение последнего условия в тексте Платонова является следствием контаминации нормативной конструкции *под праздник* + Р.п. и идиомы из газетного обихода *праздник социализма*. Разлад между словами обусловлен здесь тем, что в противоречие вступают конкретное и переносное, нейтральное и газетное значения слова *праздник*. Как и в других случаях, распад словесных связей отражает несоответствие слов реальности. Разрыв связей проходит перед словом *социализма*, которое тем самым оказывается вне согласованности с другими словами, потому что происходящее понятию "социализм" не отвечает.

Дистанция в отношении книжной традиции проявляется и в разрушении сочетаний типа *figura etymologica*, многие из которых приобрели в литературном языке характер идиом благодаря употребительности в языке Библии.

(102) И ему стало легко и неслышно внутри, точно он *жил* не предсмертную, равнодушную *жизнь*, а ту самую, про которую ему шептала некогда мать.

(133) Но Пашкин постоянно *думал светлые думы*.

Figura etymologica библейского типа расщепляется в этих примерах определением к В.п. объекта (соответственно, *предсмертную*, *равнодушную жизнь* и *светлые думы*), что нарушает ее целостность и, следовательно, "цитатность" (ср. воспринятую русским литературным языком с ироническими коннотациями идиому *думать думу*). В то же время стилистическая связь с библейским повествованием не исчезает: органич-

ные для мировосприятия Платонова элементы библейского языка вовлекаются в его собственную языковую систему, где они могут подвергаться и свойственным этой системе деформациям.

4.2. Мена конкретного и абстрактного, прямого и переносного значений.

Стремление заново увидеть и назвать элементы мира отменяет привычные представления о конкретном и абстрактном и их отношениях между собой в языке. С одной стороны, как можно было видеть в ряде наших примеров, отвлеченные вторичные значения вновь приводятся к первичным конкретным значениям. С другой стороны, конкретные значения обретают в платоновском тексте новые отвлеченные смыслы. Нередко движение в этом направлении оказывается возвратом в языковое прошлое, к старым нерасчлененным значениям слов.

(84) Он захотел немедленно открыть *всеобщий*, // *долгий* // *смысл жизни*, чтобы жить впереди детей.

Синтаксические связи в конструкции * *всеобщий смысл жизни* нарушаются вторжением слова *долгий*, конкретно-временная семантика которого несовместима с абстрактным *смысл*. За текстом стоит сочетание * *всеобщий смысл долгой жизни*. Однако эта перестановка определения *долгий* значима. При слове *смысл* оно выступает в старом своем нерасчлененном пространственно-временном значении "длинный" + "долгий" (СРЯ IV, 296). Пространственный компонент этого значения связан с частой у Платонова традиционной метафорой "жизнь – дорога". Таким образом, в приводимом контексте взаимодействуют смыслы двух конструкций:

* *всеобщий вечный смысл жизни*

* *смысл долгой жизни = длинного жизненного пути.*

4.3. Оживление внутренней формы слова.

Движение к первоначальным смыслам слов с неизбежностью приводит к осмыслению внутренней формы слова.

(143) Они ожидали активиста как *первоначального человека* в колхозе, чтобы узнать от него, зачем им идти в чужие места.

Первоначальный человек в качестве характеристики активиста заставляет прежде всего воспринять *первоначальный* как "первый из начальников, главный начальник". Это значение, присущее вышедшему из употребления слову *первоначальственный* (Даль, III, 31), появляется в тексте Платонова в результате осмысления (и переосмысления) внутренней формы слова *первоначальный*. При этом, однако, собственное значение этого слова ("бывший в самом начале") в идиоматизованном сочетании *первоначальный человек* (= Адам) никуда из контекста не исчезает: жители колхоза воспринимают активиста как некоего носителя первоначальной чистоты и мудрости, который может все объяснить и растолковать.

(82–83) Умерший, палый лист лежал рядом с головою Воцева, его принес ветер с дальнего дерева, и теперь этому листу предстояло *смирение* в земле.

Необычный для слова *смирение* распространитель в земле актуализирует внутреннюю форму этого слова, семантику меры, гармонии и покоя и тем самым старое основное значение "умиротворение", "примирение" (Срезневский 1989, III, 747–748), "обуздание" (Даль, IV, 235). Возникает картина умирания (*у – мир – ание* как *с – мир – ение*) листа, которому предстоит *с мир – ом покоиться* в земле.

Можно привести и другие контексты, в которых внутренняя форма осмысливается через мысленное разложение слова на его морфологические составляющие.

(123) А ежели бедняк, то почему один живешь и с *другими бедными не // скопляешься!*

Глагол в выделенном сочетании появляется здесь вместо ожидаемого *не объединяешься*, от которого он перенимает сочетаемость (*с кем-л.*). Внутренняя форма слова *скопляешься* при этом актуализируется, что подчеркивается повторением приставки *с* в предложении управляемого слова. Благодаря этому слово *скопляться* воспринимается не только как пересечение его собственного значения "собираться" и просвечивающего через конструкцию значения "объединяться", оно несет с собой образ колхоза как *с – копища*, неразумной ватаги, толпы (ср. Срезневский, III, 721; Даль, IV, 192).

Этот образ появляется в "Котловане" не раз. В связи с проблемой внутренней формы приведем еще лишь один пример.

(144) – Смотри, Чиклин, как колхоз идет на свете – *скучно* и *босой*.

Этот контекст с одним из ключевых в "Котловане" слов *скучно* дает один из необычайно лаконичных и ярких примеров того, как у Платонова слово одновременно существует в плане конкретного и в плане абстрактного, как образ есть одновременно нечто зримое и нечто мыслимое. Если иметь в виду эту двупланность, то данный текст прочитывается следующим образом: *Колхозники идут скученно, со скучными лицами и босые* и в то же время *Колхозники живут скучно и бедно*. Скрепляющими между этими двумя уровнями прочтения являются слова *идет* (этот глагол связан с частой у Платонова метафорой "жизнь – дорога, путь") и *скучно*, интересующее нас в данном случае. Его функция скрепы, перехода становится возможной именно благодаря оживлению внутренней формы из-за неправильной сочетаемости. Выпуклым становится старый корень *-куч-*, который осложняет семантику слова *скучно* ассоциациями с *кучей* – *кучно* – *скученно*. Отметим также, что в диалектах глагол *скучать*, *соскучиться* может иметь форму *ск'учиться* (Даль, IV, 213), омонимичную глаголу *скучиться*.

4.4. "Компонентный анализ".

Сильный эффект "остранения" вызывает нередкое у Платонова явление разложения слова на некоторые простые смыслы. Зачастую читатель имеет дело с разложением мотивированного слова на мотивирующее слово и "приращение смысла" (М.В. Панов):

(116) Жачев хотел *сказать* Сафронову *ответ*. – вместо * *ответить*

(144) Воцев подошел к подкулачнику и *сделал удар* в его лицо. – вместо * *ударил*

(116) Желтые глаза мужика только зажмурились от муки, но сам он *не сделал себе никакой защиты* и молча стоял на земле. – вместо * *не защитился / не защищался / не пытался защититься*.

В этом же ряду, думается, помещаются такие случаи, когда "остранению" подвергается слово, семантическая мотивация которого для современного языкового сознания уже совершенно мертва. Тогда оно заменяется толкованием, к которому мог бы прибегнуть, скажем, иностранец:

(108) Сафронов *произнес во рту* какой-то нравоучительный звук. – вместо * *пробормотал*.

В случаях номинаций подобные толкования более всего напоминают конунги древнегерманской поэзии:

(112) Он сам [...] грустил когда-то тем же горем – по [...] человеку, молча поцеловавшему его *в левый бок лица*. – вместо * *в левую щеку*.

5. Итоги.

Рассмотрение нарушений языковой нормы в тексте "Котлована" убеждает в том, что эти аномалии содержательно значимы и выполняют определенные художественные функции.

В той мере, насколько заложенные в тексте смысловые сдвиги сознательны, они, очевидно, объясняются убежденностью Платонова в том, что слова являются безусловными именованьями реалий (подробнее об этом см. Seifrid 1988, 379). Поэтому нарушения связей между словами сигнализируют о нарушении связей между элементами мира и несоответствии слов реалиям. Неправильный язык оказывается образом нарушения миропорядка.

Выходя за рамки нормы, Платонов стремится иначе, непредвзято, заново увидеть реальность. Языковой сдвиг служит, быть может, важнейшим средством подобного "остранения". Непривычно, неправильно сказанное тормозит внимание читателя, заставляя воспринимать происходящее как замедленную съемку. При этом, с одной стороны, происходит фиксация деталей; с другой стороны, в масштабе произведения или творчества в целом создается вообще новый ракурс реальности.

Отталкивание от языковой нормы продиктовано стремлением не только реальность, но и сам язык ощутить как живой организм. Наблюдая отклонения от языковой нормы в тексте "Котлована", можно видеть, как нарушение сочетаемости означает сдвиг в значении слова или конструкции, а сломы в синтаксисе помечают значимые сгустки смыслов. Соотнесение в сознании читателя "неправильностей" платоновского текста с "правильными", нормативными, привычными словами и выражениями влечет за собой соотнесение двух этих рядов значений, их взаимоналожение, а следовательно, и умножение смыслов при экономии речевых средств.

В "снятии" слоя нормы проявляется существенная для Платонова тенденция к "онтологизации языка" (П. Флоренский), стремление освободить слово от случайного и достигнуть первоначальных и потому ис-

тинных значений и смыслов, что связано с важностью для него экзистенциальной проблематики, с поиском "смысла жизни" и "истины всемирного происхождения". Выход из нормы может при этом осуществляться как путем прямой имитации структур разговорного языка и детской речи, так и через окказиональную "отмену" правил письменно-литературного узуса. Нарушение правил может обнаруживать, возрождать значения и структуры, присущие языковому прошлому.⁵ Отклонения от языковой нормы в авторской речи и в речи героев имеют, по-видимому, различный статус. В авторской речи, где имитативность менее выражена, чем в речи героев, смысловые эффекты языковых аномалий наиболее сильны и показательны.

Почти в каждом из приведенных нами контекстов возможными оказываются более чем одна интерпретация лингвистических механизмов, и эта множественность закономерна в поисках языкового комментария, адекватного по своей эластичности гибкому и многозначному слову в тексте. Убеждены, что поиск этот ждет продолжения, ибо понимание языка Платонова в его деталях есть тот котлован, без которого построение разговора об этом авторе, очевидно, невозможно.

Примечания

- 1 Иная возможность для исследователя – наблюдать язык Платонова с точки зрения разговорного языка, и тогда речь может идти о попытке письменной формы этого в общем бесписьменного языка. Говорящими он воспринимается как неправильный, ненормированный, а зачастую и вовсе игнорируется языковым сознанием. Прослушивание магнитофонной записи собственной разговорной речи вызывает обычно смех. С этим в значительной мере связан и юмористический эффект платоновского языка.
- 2 Акцент на синтаксисе у Платонова существен, как представляется, при уяснении своеобразия его языка на фоне литературного модернизма в целом. Это своеобразие создается не столько благодаря использованию новых приемов (типы отклонений от нормы, о которых пойдет речь в данной работе, можно обнаружить и у других авторов), сколько через индивидуальную расстановку акцентов на тех или иных приемах. В этом смысле Платонов – в большей степени "синтаксист", а скажем, Хлебников – "лексиколог"; обзриуты тоже "синтаксисты" (о специфике в этой связи языка Хармса см., например: Бабаева, Успенский), но с акцентами на других явлениях, чем у Платонова, и т.д.
- 3 Ср. в связи с эмоционально иным контекстом комментариев А. Ахматовой к строчке "Не ко мне, так к кому же?" ("Поэма без героя"): "Три 'к' выражают замешательство автора" (Ахматова, I, 278).

- 4 Об "энергии слова", которую несет в себе значимое отсутствие эпитета, писала Л.Я. Гинзбург в очерке "Заболоцкий двадцатых годов":
 "В декларации (обэриутов. – М.Б.) Заболоцкий предлагает поэту посмотреть 'на предмет голыми глазами'. Так у раннего Заболоцкого, у Хармса возникло подсказанное хлебниковской традицией голое слово, слово без определения. Это попытка освободить слово от ореолов, пустить его в строку голым – пускай само набирает значения, какие может. Имитация первоначального названия предметов. Заболоцкий иногда проделывал это вызывающе:
 На службу вышли Ивановы
 В своих штанах и бапмаках.
 Если бы, скажем, в серых штанах, уже ничего не было бы удивительного; энергия слова здесь именно в отсутствии эпитета"
 (Гинзбург, 139).

В тексте Платонова то же явление отсутствия определения выполняет, как представляется, совершенно иную функцию, чем та, о которой говорит Л.Я. Гинзбург. Явления нулевого распространителя, анаколуфа, эллипсиса и иных нарушений нормы становятся художественно значимыми именно в силу того, что они основаны на столкновении языковых и контекстных, нормативных и аномальных значений языковых единиц. В текст приходит не "голое" слово, но слово со своим значением, которое подвергается различным метаморфозам.

- 5 Эта особенность связана, в частности, со спецификой приемов создания исторического колорита у Платонова, например, в "Епифанских шлюзах". Она в особенности ощутима на фоне *Петра I* А. Толстого, где действие также происходит в петровскую эпоху. Если Толстому необходимы исторически достоверные элементы языка, то для Платонова оказывается достаточным его обычный язык со "снятым" слоем нормы. Исторически достоверные детали появляются у него лишь как отдельные знаки эпохи, например формулы этикета в переписке героев.

Литература

Ахматова, А. 1986. *Сочинения в двух томах*. М.

Бабаева Е., Успенский Ф. 1992. "Грамматика «абсурда» и «абсурд» грамматики", *Wiener Slawistischer Almanach*, 29, 127–158.

Буслаев, Ф. 1959. *Историческая грамматика русского языка*, М.

Гинзбург, Л. 1987. *Литература в поисках реальности*, Л.

Даль, Вл. 1980. *Толковый словарь живого великорусского языка*, Т. I–IV. М.

- Платонов, А. 1988. *Ювенильное море. Повести. Роман*, М.
- Срезневский, И. 1989. *Словарь древнерусского языка*. Репринтное издание. Т. I–III, М.
- Словарь русского языка XI–XVII вв.* (продолжающееся издание), М.
- Толстая-Сегал, Е. 1978, (1). "О связи назших уровней текста с высшими (Проза Андрея Платонова)", *Slavica Hierosolymitana*. Vol. II, 169–212, Jerusalem.
- Толстая-Сегал, Е. 1978, (2). "«Стихийные силы»: Платонов и Пильняк (1928–1929)", *Slavica Hierosolymitana*. Vol. III, 89–109, Jerusalem.
- Seifrid, Th. 1987. "Writing Against Matter. On the Language of Andrej Platonov's «Kotlovan»": *Slavic and East European Journal*. Vol. 31. N. 3, 370–387.
- Seifrid, Th. 1988. "On the Genesis of Platonov's Literary Style in the Voronež Period", *Russian Literature*. Vol. XXIII, 367–386.